

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ДОСТОЕВСКОГО О БЕЛИНСКОМ

Исходный PDF-JPG-файл здесь: "[ImWerden](#)"

Распознавание и вычитка: В. Есаулов, май 2007.

Литературные имена и духовные силы Достоевского и Белинского так несоизмеримы, что, сопоставляя их, приходится объяснять, почему собственно понадобилось обсуждать именно эту тему. В самом деле стоит ли заниматься ею, особенно теперь, когда гений Достоевского занял подобающее ему место в культуре всемирной? Этот на первый взгляд весьма основательный вопрос падает, однако, если мы припомним, что сам Достоевский придавал Белинскому значение немалое. Очевидно, что в этом человеке было нечто, занимавшее мысль и воображение художника.

Мнения Достоевского о Белинском противоречивы и как будто пристрастны, но то постоянство, с каким Достоевский возвращается в течение всей своей жизни к личности Белинского воистину удивительно.

Юношеские письма Достоевского к брату пестрят именем Белинского и впоследствии мы везде и всюду находим у него упоминания о человеке его поразившем.

В 1848 году, когда Белинского уже не было в живых, Достоевский читает среди петрашевцев его знаменитое "письмо к Гоголю", последствием чего был его арест, эшафот и каторга. Обстоятельные показания, данные Достоевским следственной комиссии, все наполнены отзывами о Белинском. Стараясь, отклонить от себя обвинение в идейной солидарности с Белинским, он считает, однако, своим долгом не хулить памяти покойного: „Это был превосходный человек, как человек“, -- пишет Достоевский. В романе "Униженные и оскорбленные" в 1861 году он с трогательным сочувствием вспоминает о Белинском. Об этом сочувствии свидетельствует также его письмо к вдове покойного Белинского в 1863 году.

За два года до того в журнале "Время" в статье „Г-бов и вопрос об искусстве" Достоевский говорит о "блестящей" критической деятельности Белинского, и даже в объявлении на этот журнал мы находим лестные для него строки.

В "Дневнике писателя" Достоевский неоднократно говорит о Белинском то сочувственно, то иронически, то гневно. Мы видим, как Достоевский колеблется в оценке этого характера и личности. По поводу мысли Аполлона Григорьева, что Белинский, живи он дольше, стал бы непременно славянофилом, Достоевский высказывался не раз -- и при том явно себе противоречил. Так в объявлении на журнал "Время" 1862 года Достоевский писал: "Если б Белинский прожил еще год, он бы сделался славянофилом, т. е. попал бы из огня в полымя; ему ничего не оставалось более; да сверх того, он не боялся в развитии своей мысли, никакого полымя. Слишком уж много любил человек". В том же смысле Достоевский высказывался в "Дн. пис." за 1876 г. в статье "Мой парадокс": "Но если славянофилов спасало тогда их русское чутье, то чутье это было и в Белинском, и даже так, что славянофилы могли бы счесть его своим лучшим другом. Повторяю, тут было великое недоразумение с обеих сторон. Недаром сказал Аполлон Григорьев, тоже говоривший иногда довольно чуткие вещи, что если б Белинский прожил долее, то наверно бы примкнул к славянофилам. В этой фразе была мысль". (Соч. изд. Просвещ. стр. 217).

А между тем 11/23 декабря 1868 г. Достоевский писал А. Н. Майкову совершенно иное: "Никогда не поверю словам покойного Аполлона Григорьева, что Белинский кончил бы славянофильством. Не Белинскому кончать было этим. Это было только... и больше ничего. Большой поэт в свое время; но развиваться далее не мог. Он кончил бы тем, что состоял бы у какой-нибудь здешней М-м Геп адъютантом по женскому вопросу на митингах и разучился бы говорить по-русски, не выучившись все-таки по-немецки". (Биогр., 1883, стр. 201).

Буквально то же самое писал Достоевский в "Дневнике Писателя" за 1873 год: "О, напрасно писали потом, что Белинский, если б прожил дольше, примкнул бы к славянофильству. Никогда бы не кончил он славянофильством. Белинский может, быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил донныне и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верою, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии, или примкнул бы адъютантом к какой-нибудь немецкой м-м Геп, на побегушках по какому-нибудь женскому вопросу". (Соч. 161).

Такие противоречия в оценках Достоевского неслучайны. Он судил Белинского в разных планах -- то как частного человека, то как характер, то как "явление русской жизни", то как религиозный тип... Вот почему у Достоевского можно найти все оттенки сочувствия и ненависти к этому человеку. Достоевский никогда не лгал. Он всегда был искренен. Он только умел видеть вещи и души в разных аспектах. Вот почему он то пишет в 1871 г. свое известное страстное письмо к Страхову, предавая Белинского анафеме,